

Глеб Иванович Успенский

Крестьянские женщины

Мельком

Глеб Успенский

Крестьянские женщины

«Public Domain»

1890

Успенский Г. И.

Крестьянские женщины / Г. И. Успенский — «Public Domain»,
1890 — (Мельком)

Статья Успенского содержит критику народнических теорий о «сближении с народом», проектов «жить трудами рук своих», для чего интеллигенту надлежало «опроститься» и принять образ жизни крестьянина. Во всех этих надуманных «теориях» женщине отводилась только роль матери, которая должна рожать и кормить детей. Успенский требует прежде всего отношения к женщине как к человеку и рядом примеров, почерпнутых из печати и из личных наблюдений, показывает, насколько значительна роль женщины в крестьянском быту, раскрывает большие возможности женщины как умного работника и организатора хозяйства, стремление женщин к самостоятельному, инициативному труду.

Содержание

1	5
2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Глеб Иванович Успенский

Крестьянские женщины

1

Существенный недостаток во всех проектах *жить трудами рук своих*, то есть уйти в деревню, существовать земледельческим трудом, положить начало колоний и «поселений из людей интеллигентных», несомненно заключается в совершенном отсутствии каких бы то ни было указаний, касающихся положения интеллигентных *женщин* в этих проектируемых колониях. Обязанности, порядок жизни, пределы труда и нравственные достоинства трудовой жизни для интеллигентных «мужчин», хотя кое-как, но все-таки выяснены в проектах поселений в более или менее удобопонятном виде: за образец будущей трудовой жизни взят образ жизни современного мужика, причем одна из школ, начавших проповедь о необходимости «идти в деревню», проповедует идеал трудовой жизни в смысле самого каторжного труда *наемного работника*, сопряженного со всевозможными тягостями: серые щи, сон на голых досках, лапти, «выворачивание пней» на постройку собственной избы, и непременно с усилиями, от которых трещит спина; хочешь жить «по-народному», так поезжай в лес за дровами в трескучий мороз, вези дерево на продажу в город в ураган и метель, а уж от насекомых постарайся избавиться своими средствами. Та же участь *поденщины* предлежала и женщине в этой школе каторжного труда. Г-жа Метелицина должна была переобуться из башмаков в сапоги, вязла по колено в навозе, ездила на кляче за водой, а когда кляча упиралась, то она «била клячу по морде». Словом, и для мужчин и для женщин проповедовались все прелести, которые до последней степени изнуряют и самого крестьянина.

Другая школа трудовой жизни очерчивает образ того же мужика в более мягких очертаниях, и как образчик рекомендуется не поденщик, а «земледелец», «пахарь». Поле, соха, а за нею идет пахарь. Достоинство этого пахаря заключается в том, что он добывает хлеб своими трудами, чужого не ест, чужим трудом не пользуется, следовательно, совесть у него покойна, а в этом-то «самая суть» и есть.

Есть и еще школа, руководствующаяся в желании «идти в деревню» уже чисто практическими целями: оградить *свою* впечатлительную душу от зол *городской* цивилизации, устроить *себе угол*, где бы мысль (о будущем, конечно) работала без стеснения и не ощущалось бы необходимости бесплодной борьбы за идею, чего невозможно избежать в городе. Но, чтобы устроить должным образом «угол» буддийского спокойствия и «свободы мирозерцания», рекомендуется такими практическими деятелями обороняться также и в деревне от всяких нарушений буддийского спокойствия – мужицкого невежества, алчности мужика, неискоренимого в этом мужике стремления обобрать этого барина. Оборонившись от городской цивилизации уединенным углом, огородившись заборами и окопавшись канавами от вторжения деревенского невежества и хищнических инстинктов мужика, практический интеллигент утверждает, что именно тогда-то ему, интеллигенту, живя в деревне, и будет возможность воздействовать на развитие народных масс.

Единственно только те действительные *радетели* о народном благе и совести, которые несут в деревню свои *знания* – врачи, фельдшерицы, учительницы, не рассчитывая на какую бы то ни было личную пользу (чистота совести, буддийское спокойствие, расстройство здоровья от серых шей, как возвращение долга народу и пр.), – единственно только они и делают действительно народное дело, имеющее уже видимые последствия самого хорошего качества. Но в этой среде «несть ни мужеского, ни женского пола» и каждый (всяческая) делает свое дело по мере возможности.

Все же перечисленные выше школы, теории и возникающие на основании их опыты поселений до настоящего времени не свидетельствовали еще ни о каких успехах, и все «учители», «наставники» и «пророки» также не могут указать хотя каких-нибудь ясных последствий своих учений в благоприятном смысле. Расстроивши желудки серыми щами, простудившись во время возки дров или же сшив два сапога «собственными руками», ученики все-таки не могут ощущать в своем сознании, что они делают доброе дело людям, а не самим себе.

Грех учителей и наставников заключается, прежде всего, в узкости взгляда на строй народной жизни. Если что в ней есть существенно важного для человеческого существа, так это не серые щи, не уединение, не успокоение своей совести «на собственноручном сапоге», а широта размеров трудового обихода жизни, многосложность умственной и физической жизни, возникающая из удовлетворения «своими руками» всех своих потребностей, то есть полнота жизни человеческого существа.

Но брать этот образчик широкой многосложной трудовой жизни, не включая в нее образа крестьянской женщины, труд которой во всех подробностях объединен с трудом ее мужа, мужика (что и делает *семью*), – это дело весьма непохвальное. Предполагается, что интеллигентный *пахарь* будет пахать, интеллигентная крестьянка будет рожать детей и кормить их своею грудью. Определять не для крестьянской и не для интеллигентной, а вообще для женщины такую бессмысленную цель жизни, значит не признавать в ней человека, и действительно, мы видим, что «учители» именуют женщину «черноземом», и даже почему-то иногда находят необходимым, говоря о «женщине», упоминать и о корове. Если же перечислить все, что умом и руками делает в доме крестьянская женщина, то есть все то, что не касается ее черноземного плодородия, так и увидим, что ее жизнь исполнена величайшей многосложности труда: она не только родит и кормит, но прядет, ткёт и шьёт платье на всю семью, она же ходит за скотом, стирает, жнет, сеет, косит, носит воду. И сказку рассказывает, и песней убаюкивает, и с песней прядет каждую нитку холста. На сказку, на песню, на пряжу, на тканье нужен ум не коровий, а человеческий, и, следовательно, если брать образчиком трудовой жизни не тяготу, а широту и, так сказать, «поэзию» земледельческого труда и основанного на нем всего строя народной жизни, то невозможно умалчивать о трудовых и нравственных достоинствах крестьянской женщины, достоинствах, дающих ей полную возможность (раз только она, вследствие крайней необходимости, не вынуждена будет уйти из деревни на заработки) во всех отношениях независимого существования. А чтобы наши учителя и наставники, призывающие нас к трудовой жизни, не загоняли женщину, первейшую силу всякой семьи, «в стадо» и вообще относились к ней по-человечески и по-христиански, мы попытаемся в этой заметке собрать (с борку и с сосенки) такие факты, сообщаемые местною печатью и касающиеся текущей действительности крестьянской жизни, в которых достоинства крестьянской женщины сказываются с достаточной ясностью и дают нам, простым смертным, некоторую возможность очистить в нашем сознании образ женщины как человека, затуманенный теориями душеспасительного труда.

2

К величайшему прискорбию (без *прискорбия* не обходится на Руси ни одно хорошее дело), необходимо сказать, что достоинства крестьянской женщины стали очерчиваться в сообщениях местной печати именно только в тех случаях, когда корреспондент местной газеты повествует о *крайнем расстройстве*¹ в земельных, хозяйственных и семейных отношениях крестьян тех местностей, откуда идет его сообщение. Крестьянская женщина, с ее великими трудовыми и нравственными достоинствами, всегда упоминается в такого рода сообщениях как доказательство полнейшей невозможности мужскому населению деревни выполнить, при помощи земледельческого труда, все лежащие на нем обязанности. Бывают случаи, когда в крестьянских семьях не оказывается ни одного мужчины, и, следовательно, нет никакого участия мужской силы в выполнении многосложнейшего труда «в поле и в доме», и однако же крестьянская женщина, – раз только она, так или иначе, прикосновенна к владению землей, – и в таком, повидимому, беспомощном положении, как мы увидим, может и умеет справиться *единоличным* трудом.

«Три крестьянина Юхновского уезда, Федотовской волости, дер. Морозова, Лаврентий Яковлев, Андрей Никитин и Епифан Ефимов, в числе девяти наличных душ мужского пола и семи женского, в 86 г. купили (товариществом) в смоленск<ом> крестьянск<ом> позем<ельном> банке землю. В 86 г. умер Епифан, а в 87 г. отправились за ним и Андрей и Лаврентий, и таким образом товарищество, в своих главных представителях, вымерло. Наследники же их, мужчины, *все ушли* на заработки в Петербург. *Остались одни женщины; они распорядились хозяйством, собирали следуемые банку платежи и отсылали их в смоленское отделение Крестьянского банка.* Недавно отделением присланы в Федотовское волостное правление только что вышедшие правила о крестьянских товариществах, в силу которых каждое товарищество должно избрать из своей среды выборного, иметь книгу приговоров своих сходов и товарищескую печать. Федотовский старшина теперь в большом затруднении, как поступить с Морозовским товариществом. Старики вымерли, молодежь ушла на сторону, остались, говорит, одни бабы.

«– Что ж, бабы, что ли, будут выбирать бабу же выборным? Пошлю, говорит, в отделение, чтобы разъяснили, как в данном случае поступить, то есть в составлении приговора об избрании *бабы выборным!*»²

То обстоятельство, что женщина может вести единолично (распорядиться) хозяйство, это дело обычное, если только на ее долю выпадет случай быть родоначальницей многочисленной семьи. Образы таких *домохозяек*, несомненно возвышающие в нашем сознании образ женщины вообще, изображены, между прочим, в «Деревенских письмах» г. М. З.³ В письме десятом автор рассказывает о лично ему известных домохозяйках, самостоятельно заправлявших обширными хозяйствами за смертью своих *большаков*. Хозяйства эти, управляемые женщинами-домохозяйками, бывали иногда до того обширны, что из заимки, которую населяла

¹ Редко, чрезвычайно редко повествует местная печать о деревнях, живущих в довольстве и достатке. Нельзя поэтому не привести сообщения «Смоленского вестника» о крестьянах Дорогобужского уезда, Смоленской губ., где крестьяне почти вовсе не нуждаются в *отхожих промыслах*. Этим более оседлым характером занятий населения Дорогобужского уезда объясняются такие его особенности, как *большой прирост населения, большой численный состав семьи и большее равновесие численных отношений полов, чем в других четырех уездах*. Но ведь это значит, что люди живут здесь дольше, а стало быть, отличаются лучшим здоровьем, что члены семьи теснее связаны между собой (и это дает право заключать о лучшей их нравственности) и что, наконец, *молодой парень всегда имеет возможность найти себе подходящую невесту и почти каждая девушка – выждать жениха*. В общем, здесь столько условий, делающих жизнь нормальнее и счастливее, что уже ради этого одного можно предпочесть те немногие, и притом эфемерные, выгоды, какие доставляют крестьянину «отхожие промыслы».

² «Смоленский вестник», 1889 г., № 133.

³ Печатались в 1888 году в «Восточном обозрении».

одна семья, со смертью двух *женщин-большаков*, образовалась целая деревня и быстро разрасталась в селение, утратив, конечно, принцип общего хозяйства. Таким *большаком* после смерти *стариков* пришлось быть, между прочим, и одной девушке.

В сороковых годах в зажиточной семье У-вых умерли в молодых годах два родных брата, из которых один был *большак*. От одного остались жена и дочь, от другого два малолетних сына и три дочери. Вдова, имевшая только дочь, ушла в монастырь; вдова другого брата скоро умерла, и надо всеми шестью сиротами осталась *большухой девушка*, сестра покойных братьев. «Хозяйство было большое, до двадцати дес<ятин> посевов и соответственное количество скота. Но девушка, Василиса Андреевна, не потерялась. Работая смолоду, она не хуже знала всю крестьянскую работу и продолжала вести хозяйство в прежних размерах; в помощь ей были старые работники. Вставая с петухами, она успевала все состряпать, подоить коров и на рассвете вместе с работниками отправлялась в поле и в огороде работала. Кроме крестьянских, земледельческих работ, она обшивала всю семью: ткала холсты, сукна и кушаки, валяла валенки, шила шубы, поддевки, только что не плотничала». Кроме всего, она воспитывала и ходила за всеми детьми и по целым ночам сидела над ребенком, если он хворал. К знахаркам она не обращалась, а имела всегда лекарства. Вырастила внуков и внучек, поженила их и замуж отдала, и внучат взрослых уже видела, но в 86 году умер ее старший племянник, 48 лет, на котором уже лежали заботы состарившейся Василисы Андреевны, и она сама «рухнула». Семья перед разделом состояла из 21 человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.